

2. Политические конфликты и альтернативы

Первой конфликтной ситуацией, в которой Сталин взял себе роль арбитра, был спор Маленкова и Жданова, считавшихся после окончания войны его потенциальными преемниками. Восхождение обоих началось еще в довоенные годы. В 1939 г. Маленков был назначен секретарем ЦК и начальником Управления кадров ЦК. Благодаря своим бесспорным организаторским способностям он получил во время войны новые ответственные назначения. Член ГКО, в 1943 г. Маленков был поставлен во главе Комитета по восстановлению хозяйства в освобожденных районах, став в политической иерархии вторым после Сталина человеком. В 1944 г. он возглавил Комитет по демонтажу немецкой промышленности, занимавшийся получением с Германии репараций в пользу СССР. В то время как Маленков после блестящей партийной карьеры поднимался все выше в сфере государственного управления, Жданов не менее успешно продвигался в структуре партийного аппарата. Будучи с 1934 г. секретарем ЦК, членом Оргбюро ЦК и преемником Кирова на посту первого секретаря ленинградской партийной организации, он сыграл видную роль в чистке местных партийных и хозяйственных кадров в 1936 — 1938 гг. На XVIII съезде партии в марте 1939 г. он был избран членом Политбюро. В годы войны Жданов занял третье место на партийно-государственном Олимпе вслед за Сталиным и Маленковым.

Спор между Маленковым, поддерживаемым Берией, Кагановичем и руководителями тяжелой промышленности, с одной стороны, и Ждановым, на стороне которого были председатель Госплана Вознесенский, Доронин, Родионов, Кузнецов и некоторые военачальники, с другой, одновременно касался, как мы уже видели, международного положения, а также темпов и путей экономического развития СССР в послевоенные годы. Политический конфликт между Маленковым и Ждановым развивался с конца 1945 г. вокруг сугубо частного вопроса: Жданов и Вознесенский атаковали Маленкова в связи с его политикой вывоза немецкой промышленности, которая приводила, согласно их представлениям, к чудовищному разбазариванию средств. Микоян, посланный Сталиным разобраться на месте, вернулся с крайне неблагоприятным докладом, свидетельствующим о необходимости отказаться от политики демонтажа в пользу создания смешанных фирм, которые организовали бы в Германии производство продукции для СССР. Сталин поддержал группу Жданова, снял Маленкова с поста, одновременно выведя его из Секретариата ЦК. В течение двух лет Жданов и его помощник М.Суслов, назначенный в июне 1947 г. руководителем Агитпропа (вместо близкого к Маленкову Г.Александрова), пользовались доверием Сталина, возглавляя идеологическое подавление интеллигенции, национальных движений и сплочение европейских компартий вокруг КПСС. Вместе с тем в политическом отношении группа Жданова — Вознесенского оказалась весьма разношерстной, объединяя и «жестких» идеологов типа Жданова, и таких экономистов-реформаторов, как Вознесенский, местную властвующую элиту (ленинградская партийная организация, первым секретарем которой был Жданов) и руководителей, желавших бы восстановить некую форму — конечно, весьма специфическую — законности путем «возврата к принципам» перед лицом ультранационалистического, неленинского дрейфа сталинской власти. Планы этой группы в области экономики потерпели поражение по ряду причин, обусловленных как катастрофическим ухудшением продовольственного положения в 1946 — 1947 гг., давшим повод к восстановлению жест-

кого контроля над крестьянством, образованием консервативного фронта руководителей промышленности, так и спекуляциями во внутриполитических целях международной напряженностью. По всей вероятности, в отношении стратегии экономического развития Сталин солидаризировался со сторонниками возврата к волюнтаристской схеме 30-х гг.

В 1945 — 1946 гг. Сталин очень искусно маневрировал по отношению к другой группе, которая могла бы превратиться в самостоятельную общественно-политическую силу, способную если не собрать вместе тех, кто хотел изменений, то, во всяком случае, создать противовес гражданской власти и даже выступить арбитром в спорных вопросах: по отношению к армии. Хотя в русской истории не существовало путчистской традиции и феномен 1937 г. должен был, скорее всего, придать уверенность гражданским властям, все же и не беря власти армия несколько раз, прежде всего в 1917 г., активно содействовала изменению политической системы. В 1945 г. советское руководство во главе со Сталиным сознавало, что, соприкоснувшись с внешними по отношению к системе реалиями и испытав на себе вакуум и некомпетентность гражданской власти в 1941 г., армия могла стать центром кристаллизации идей, опасных для режима. К тому же, пользуясь огромным престижем — военачальники, особенно Жуков, взявший Берлин, были, во всяком случае, не менее популярны, чем гражданские руководители, даже Сталин, — армия могла внушать опасения гражданской власти. Поэтому уже к 1945 г. были употреблены три средства, чтобы предупредить возможную угрозу со стороны военных: идеологическая интеграция армии в партию, опала в отношении военных руководителей, обезличивание истории войны.

В первом случае активно проводилась политика массового вовлечения в партию «отличившихся на поле боя»: в конце 1945 г. демобилизованные военные, вступившие в партию в действующей армии, составляли более 40% общей численности ВКП(б) — 2,5 из 5,7 млн. (всего в партию за время войны вступило около четырех миллионов новых членов). Большая доля фронтовиков порождала два противоречивых следствия: с одной стороны, она свидетельствовала о том, что партии удалось обеспечить себе широкое присутствие в армии; с другой — подразумевала, что и армия в состоянии воздействовать на установки партии, если военачальники решат мобилизовать своих «ветеранов», разбросанных по стране и вернувшихся к мирной жизни. Поэтому уже к концу 1945 г. виднейшие военачальники получили назначения в отдаленные регионы и были полностью устранены из политической жизни. Наиболее популярный из них — Жуков — был отправлен командовать сначала Одесским военным округом, затем Уральским и с 1946 г. исчез с политического горизонта. 4 мая 1948 г. советская пресса не упомянула даже его имени в материалах, посвященных годовщине взятия Берлина. Вся заслуга разработки плана решающего штурма Берлина была, естественно, приписана Сталину. Отстранение военачальников сопровождалось обезличиванием истории войны, ставшим очевидным уже в 1946 — 1947 гг. В многочисленной «военной литературе» на первом плане стояли безымянный солдат и партия, выступавшая как вдохновитель и организатор военных операций, которую ничто и никогда не заставляло врасплох. Все эти факторы, несомненно, мешали армии сыграть самостоятельную роль и в условиях мирного времени конституироваться в независимую и сознательную общественную силу, способную вмешаться в политическую жизнь.

Летом 1948 г. после двухлетней опалы Маленков был возвращен Сталиным в состав Секретариата ЦК. Через несколько недель, 31 августа 1948 г., скоропостижно скончался Жданов, оставив своих сторонников беззащитными перед Маленковым, который в сотрудничестве с Берией, руководителем всесильного МГБ Абакумовым и, несомненно, с благословения Сталина организовал крупнейшую чистку, направленную против Вознесенского, сотрудников из Госплана и партаппарата Ленинграда — города, всегда бывшего у Сталина на подозрении. Вознесенский был смещен и впоследствии без суда расстрелян. В общей сложности «ленинградское дело» стоило жизни нескольким сотням партработников, большинство из которых своей карьерой в этом городе были обязаны Жданову; оно также позволило устранить других руководителей, поддерживавших в свое время Жданова, в числе которых были председатель Совмина РСФСР Родионов и первый секретарь Московской парторганизации Попов,

замененный в 1949 г. Хрущевым. Все эти ответственные работники были обвинены в попытке «развалить социалистическое хозяйство методами международного капитализма» (явный намек на экономические расхождения между Маленковым и Вознесенским в 1945 — 1946 гг.) и в «заговоре со сторонниками Тито, направленном на свержение советской власти». На первый взгляд Сталин не принимал участия в этих мероприятиях, однако вряд ли это было действительно так, учитывая его могущество и пристальный контроль за течением жизни страны. Возможно, что именно от Сталина исходила инициатива чистки партаппарата Ленинграда — города, чьи робкие поползновения к самостоятельности внушали центральной власти опасения, становившиеся поводом для репрессий.

Возвращение Маленкова в группу первых лиц страны, устранение Вознесенского и его коллег из Госплана совпали с переориентацией четвертого пятилетнего плана в сторону сверхволюнтаристского экономического роста. Одновременно происходил переход к децентрализованному и еще более придирчивому контролю различных отраслей экономики. Отдел кадров Секретариата ЦК, признанный чрезмерно централизованным и потому неэффективным, был упразднен, а его функции переданы отраслевым отделам (тяжелой промышленности, планирования, финансов и торговли, транспорта, сельского хозяйства и т.д.). призванным дать более рациональное кадровое обеспечение каждой конкретной отрасли. Эти меры, означавшие возврат к практике второй половины 30-х гг., выражали твердую решимость партии тщательно следить за предприятиями, когда обозначилось возобновление довоенной волюнтаристской практики. Хотя Маленков и выглядел как преемник, назначенный самим Сталиным, однако последний в то же время способствовал продвижению Хрущева, получившего в 1949 г. посты первого секретаря Московского обкома партии и секретаря ЦК после непродолжительной и относительной опалы, последовавшей за голодом на Украине в 1946 — 1947 гг. Выступления Хрущева по сельскохозяйственным вопросам, его проекты реформ, даже если они и не находили всеобщей поддержки (проект агрогородов был сразу же отвергнут), создали ему репутацию самого «компетентного» практика в этой важнейшей отрасли. XIX съезд партии, на котором основные доклады были сделаны Маленковым и Хрущевым, подтвердил, что именно у этих двух лидеров наилучшие шансы стать преемниками Сталина.